

УДК 81'373.61+81'255.2

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ЯВЛЕНИЕ ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИИ
В ОРИГИНАЛЕ И В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» А. С. ПУШКИНА**

Ю. И. Клушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
кафедра иностранных языков богословского факультета

На материале оригинального текста «Евгения Онегина» и его английских переводов автор приходит к выводу, что внутренняя форма не является руководством к действию для переводчика. Причину этого, по мнению автора, следует видеть в том, что в актуальной коммуникации слова языка деэтимологизированы. Это верно как для переводного, так и оригинального текста.

Ключевые слова: *теория перевода, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, проблемы передачи значения в переводе, внутренняя форма, процесс деэтимологизации, актуальная коммуникация.*

Наблюдения над соотношением оригинального текста и его переводов заставляют поставить под сомнение актуальность внутренней формы как особого исследовательского метода, часто используемого для объяснения семантической эквивалентности оригинала и перевода.

С одной стороны, под внутренней формой слова подразумевается семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка. Считается, что данный признак составляет основание для номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует его звуковой облик, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков. При этом признается, что внутренняя форма слова принимает участие в формировании лексического значения, поскольку в сознании носителей языка она входит в коннотацию с различными аспектами номинируемых реалий [2, с. 32].

С другой стороны, следует подчеркнуть, что внутренняя форма слова в подавляющем большинстве случаев не обеспечивает оснований, достаточных для понимания данного слова. Не в последнюю очередь причину этого видят в том, что в результате исторических преобразований, происходящих в культуре, и соответственно, в способах осознания невербальной реальности, внутренняя форма слова корректируется или полностью утрачивается. Так, может утрачиваться слово, от которого образована данная единица (исчезновение слова *коло* – *колесо*, привело к потере внутренней формы у слова *кольцо* – первоначально уменьшительное от *коло* и у слова *около*, буквально *вокруг*). Кроме того, у предмета может быть утрачен признак, ранее для него характерный (так, в настоящий момент внутренняя форма слова *мешок* не связана со словом *мех*, имеющим прямое отношение к шкуре и

волосяному покрову). Наконец, в истории языка могут происходить существенные фонетические изменения облика слов (например, первоначально к одному корню восходят пары слов *начало* и *конец*, *коса* и *чесать*, *городить* и *жердь*).

Несмотря на различные объяснения причин утраты внутренней формы, нельзя отрицать того факта, что реальный носитель языка в подавляющем большинстве случаев не восстанавливает внутреннюю форму в актуальном коммуникативном процессе. Элементы последнего неисторичны и деэтимологизированы в сознании субъекта коммуникации [1, с. 265]. Так, современный носитель русского языка, помимо уже приведенных случаев, в актуальной коммуникации не распознает, что слово *стол* связано с глаголом *стлать* (*стелить*), слово *сердце* – со словом *середина*, слово *рубль* – со словом *рубить*. Во всех этих словах внутренняя форма не мыслится рядовым носителем языка.

На фоне этого возникает оппозиция между диахроническим и синхроническим подходом к анализу семантического наполнения слова и роли внутренней формы в семантизации лексемы: если диахронический аспект предполагает наличие внутренней формы едва ли не в любой единице языка, то синхронический аспект фактически отрицает актуальность внутренней формы как фактора семантики слова.

Соотношение пушкинского оригинального текста «Евгения Онегина» и его английских переводов дает некоторый материал для рассуждения о семантической роли внутренней формы.

Так, лексемой, проявляющей внутреннюю форму, на первый взгляд, можно считать слово *самовар* («Евгений Онегин», 2, 12): «Зовут соседа к самовару, // А Дуня разливает чай» [3, с. 32]. Если обратиться к Этимологическому словарю Фасмера, можно встретить следующую дефиницию данного слова: «род. П. –а, укр. Самовар, самоварь. От *сам* и *варить*» [5, т. 4, с. 63]. В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова приводится следующее значение лексемы *самовар* – «металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями, или электрический» [4, с. 928].

Таким образом, согласно данным внутренней формы, для данной лексемы в русском языке в качестве мотивирующих выступают две основы: *сам-* и *вар-*, которые якобы являются ключевыми для понимания данного слова. Однако так ли это?

Английские варианты перевода данного эпизода заставляют полагать, что внутренняя форма русского слова *самовар* безнадежно утрачивается для английского читателя. Так, рассмотренные переводчики дают различные варианты данной текстовой ситуации: *tea-urn* (Elton), *samovar* (Johnston), *cup* (of tea) (Beck), *at teas* (Kayden), *tea* (Bonver), *samovar* (Набоков). Как видно, авторы выбирают обобщенное значение *к чаю*, *чаепитие* или, как Набоков и Джонстон, – используют заимствованное слово, заведомо и полностью деэтимологизированное в английском языковом сознании. Таким образом, если подходить к данной ситуации с позиции внутренней формы, то данный случай является невосполненной вербальной лакуной, поскольку ни в одном

из английских вариантов не просматривается «сам» и «варить», свойственные внутренней форме русского слова.

Однако здесь следует признать, что в реальном коммуникативном контексте уже для самого автора оригинального текста данное слово было деэтимологизировано, как, впрочем, и громадное большинство других используемых слов, которые не обнаруживают никаких этимологических или деривационных связей в актуальных ситуациях естественной коммуникации. Так, автор «Евгения Онегина», употребляя слово *самовар* («Зовут соседа к самовару»), был, безусловно, далек от намерения предцифировать процесс «самоварения». Более того, автору, как и любому субъекту русской культуры, было доподлинно ясно, что данное устройство «само не варит». Скорее, автор считал необходимым предъявить читателю элемент русского патриархального быта или употребить исконно русское название реалии, традиционной для национальной культуры. При этом внутренняя форма не играла в авторском коммуникативном контексте никакой самостоятельной роли, не проявлялась в лексеме *самовар* как «самоварение» – так же, как и в других, заведомо деэтимологизированных иноязычных словах, которые использованы у Пушкина для описания того же патриархального быта русских помещиков: *чай, шлафор, халат, картуз, мазурка, котильон, вист, бостон, ломбер, роберты, фагот, флейта* и др.

Характерно, что ни один из переводчиков не обращает внимания на внутреннюю форму лексемы *самовар*, хотя она вполне очевидна при минимальном владении русской лексикой. К внутренней форме этого слова не проявляет внимания даже Набоков, хотя в другом эпизоде (едва ли не единственном, где присутствует попытка отослать читателя к внутренней форме) он реализует иную переводческую тактику.

Так, переводя эпизод («Евгений Онегин» 3, 20) с лексемой *телогрейка* («И капли слез, и на скамейке // Пред героиней молодой, // С платком на голове седой, // Старушку в длинной телогрейке» [3, с. 51]), Набоков использует слово *body warmer*, ставя его в кавычки: «And drop of tears, and on a beneblet, before the youthful heroine, a kerchief on her hoary head, the little crone in a long "body warmer"» [8, с. 159]. Употребление кавычек подчеркивает, что переводчик полностью или частично снимает с себя ответственность за данный языковой эпизод, оправдываясь за использование лексической единицы, которая не вполне уместна в английском коммуникативном контексте, но зато должна стать понятной читателю благодаря передаваемой внутренней форме *body* – тело, *warmer* – грелка, нагреватель. По-видимому, Набоков ощущает, что попытка актуализации в английском переводе внутренней формы не вполне достигает своей цели, поскольку *body warmer* в современном ему английском языке употребляется по отношению к одежде из искусственных материалов и, соответственно, не может с точностью передавать пушкинскую реалию (отсюда, вероятно, кавычки у Набокова).

Таким образом, даже в том случае, когда переводчик пытается навязать внутреннюю форму переводимой лексеме, ее восприятие обусловлено актуальным коммуникативным процессом, в котором данная лексема полностью (или в значительной мере) деэтимологизирована. Она

воспринимается как обычный (лишенный деривативных связей) элемент коммуникации, за пределами и без внимания к внутренней форме.

Насколько это навязывание удалось Набокову в последнем эпизоде, судить могут только носители языка. Сам автор комментария и перевода к «Евгению Онегину», поставив *body warmer* в кавычки, расписался в том, что испытал некоторое затруднение и неловкость от данного употребления. Зато в случае с *самоваром* он воспользовался лексемой *samovar*, которую, вероятно, следует считать русским заимствованием в английском языке и, по мере того, следует определенно говорить об отсутствии внутренней формы в сознании английского читателя.

Характерно, что, кроме Набокова, несмотря на прозрачные деривационные связи (*тело* и *греть*), ни один из переводчиков не использует *body warmer* в качестве эквивалента: *her body covered, warm and muffled* (Beck), *and on her woman's jacket neat* (Elton). Джонстон вовсе игнорирует данный эпизод текста, указывая только на платок на голове няни. Ни один из рассмотренных переводчиков, как уже было отмечено, не находит нужным употреблять *self-boiler* или нечто подобное. По всей видимости, предидеологизация «согревания тела» (что, по мнению сторонника внутренней формы, присутствует в лексеме *телогрейка*) или «самоварения» (что, по мнению сторонника внутренней формы, присутствует в *самоваре*) не входило в творческую задачу переводчиков и не соответствовало коммуникативному опыту носителей целевого языка. Не последнюю роль в этом пренебрежении внутренней формой играет то обстоятельство, что в языке оригинала при актуальном коммуникативном контексте внутренняя форма также не усматривается.

Деэтимологизация, таким образом, имеет место в актуальной коммуникации, что подтверждается опытами перевода.

Субъективность процесса восприятия внутренней формы заметна при сравнении восприятия этих слов специалистом по истории языка и рядовым носителем: первый может воссоздавать в сознании первоначальную внутреннюю форму, в то время как второй не мыслит никакой этимологической связи в актуальных ситуациях использования данной лексемы. При этом нельзя утверждать, что не проявленное в сознании носителя языка значение присуще данной лексеме, поскольку любая лексическая единица языка обладает какой-то внутренней формой, выясняемой в ходе этимологической процедуры, но в подавляющем большинстве случаев не осознается и, соответственно, не имеет актуального значения для говорящих.

Список литературы

1. Вдовиченко, А. В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания [Текст] / А. В. Вдовиченко. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 512 с.
2. Зализняк, А. А. О месте внутренней формы слова в семантическом моделировании [Текст] / А. А. Зализняк. – Труды международного семинара Диалог-98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. – 24-38 с.

3. Пушкин, А. С. Избранные сочинения [Текст] : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1978. – Т. 2 : Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы и повести. – 720 с.
4. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель ; АСТ, 2000.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 3 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1973.
6. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. – М. : МГУ, 1982. – 196 с.
7. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 2 т. ; под ред. А. Г. Преображенского. – М. : МГУ, 1968. – 364 с.
8. Onegin, Eugene. A novel in verse by Aleksandr Pushkin [Текст]. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir [Vladimirovich] Nabokov [1899–1977]. – London: Routledge & Kegan Paul, 1964. – 348 p.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture [Текст]. – London, 1998. – 1568 p.
10. Longman Essential Activator Additional Wesley Longman Limited [Текст]. – London, 1997. – 248 p.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Oxford: University Press, 2000. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/297040/>. – Дата обращения: 21.02.2013. – Загл. с экрана.
12. Oxford Dictionary of the English Language [Текст]; ред. Дж. Хокинс. – М.: Астрель ; АСТ, 2001. – 832 p.
13. Pushkin, A. Eugene Onegin : A Novel in Verse [Текст] / A. Pushkin; translated from the Russian by Eugene M[ark]. Kayden [1886–1977]. Yellow Springs, OH: The Antioch Press, 1964. – 356 p.
14. Pushkin, A. Eugene Onegin [Текст] / A. Pushkin; translated by [Sir] Charles [Heburn-Johnston] [1912–1986]. – London: Scolar Press, 1977. – 348 p.
15. Pushkin, A. Eugene Onegin [Текст] / A. Pushkin; translated withan introduction and notes by Tom Beck. – Sawtry, Cambs: Dedalus, 2004. – 406 p.
16. Pushkin, A. Eugene Onegin: A novel in verse [Текст] / A. Pushkin. The Bollingen prize translation in the Onegin Stanza by Walter Arndt. Critical Essays by Roman Jakobson, D. J. Richards, J. Thomas Shaw and Sona Stephan Hoisington. – New York, NY : Dutton 1963. – 298 p.
17. Pushkin, A. Evgeny Onegin (A Novel in Verses) [Электронный ресурс] / A. Pushkin. 2001–2003; last correction 2004. Translated by Y. Bonver [Евгений Бонвер]. – Режим доступа: http://www.poetryloverspage.com/yevgeny/pushkin/evgeny_onegin.html. – Дата обращения: 11.01.2013. – Загл. с экрана.
18. Pushkin, A. Evgeny Onegin by A. S. Pushkin [Текст] / A. Pushkin; translated by Oliver Elton [1861–1945] and illustrated by M. V. Dobujinsky; with a foreword by Desmond MacCarthy. – London: The Pushkin Press, 1937. – 288 p.

**INTERNAL FORM AND THE DEETHIMOLOGIZATION
PHENOMENON IN «EUGENE ONEGIN» BY A. S. PUSHKIN AND IN
ENGLISH TRANSLATIONS**

J. I. Klushina

Orthodox Saint Tikhon University of the Humanities
The department for foreign languages, faculty of theology

Based on the data of the original text («Eugene Onegin») and its English translations, the author comes to a conclusion that the internal form of a word can not serve as a guide of translating process. According to the author, one can see the reason in the fact that in actual communication the lexemes of a language are being deethymologized. The inner form becomes not actual for a real context. It is right both for translated and original texts.

Keywords: *translation theory, «Eugene Onegin» by Pushkin, problems of translating meanings, internal form of a word, deethymologization process, actual communication.*

Об авторах:

КЛУШИНА Юлия Игоревна – старший преподаватель кафедры иностранных языков богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23б), e-mail: j.i.klushina@mail.ru